ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 902 26

А.В. Кудряшов

ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ В БАССЕЙНЕ р. ШЕКСНЫ В НАЧАЛЕ XXI В.

В статье рассматриваются особенности погребальной обрядности средневекового населения бассейна Шексны и Белого озера по материалам могильников, исследованных в регионе в начале XXI в.

Средневековый погребальный обряд в Белозерье, курганные и грунтовые могильники.

The article considers the features of the funeral ceremony of medieval population of the basin of the Sheksna River and the White lake based on the burial grounds investigated in the region at the beginning of the XXI century.

Medieval funeral ceremony of Belozerye, mound and burial grounds.

Поиски погребальных памятников эпохи средневековья в бассейне р. Шексны и Белого озера ведутся с середины XIX в. К началу XX в. было известно большинство курганных могильников в бассейне рек Суды и Колпи. Широким исследованиям курганные могильники бассейна р. Шексны подверглись в 60 – 80-е гг. XX века. В это время Н.В. Тухтиной, А.В Никитиным, Н.В. Гуслистовым раскапывались курганы на реках Суде, Колпи. В Центральном Белозерье изучают могильники Л.А. Голубева, С.В. Ошибкина, а затем и Н.А. Макаров [12].

С начала 80-х гг. XX в. в бассейне р. Шексны к раскопкам средневековых погребальных памятников приступает А.Н. Башенькин. На р. Суде им исследуются курганы, грунтовые могильники, а также погребальные сооружения типа «домиков мертвых» [4, с. 7]. Н.А. Макаров в 90-х гг. XX в. исследовал могильник Крохинские Пески, а также могильники, расположенные на водоразделе р. Шексны и Кубенского озера [13], [15, с. 279 – 309].

С 1990 по 2002 гг. автором был исследован ряд памятников на Средней Шексне: грунтовые и курганные могильники с кремациями и ингумациями [7, с. 16 – 18], [9, с. 193 – 199]. Несмотря на большую работу по поискам средневековых могильников, проведенную археологами в 80 – 90-х гг. XX в. на Шексне и Белом озере, количество их все же оставалось незначительным; источниковая база для изучения средневековой погребальной обрядности в регионе была узкой. В связи с этим особое значение имеет открытие и частичное исследование экспедицией Череповецкого музейного объединения в регионе новых погребальных памятников. Все могильники обнаружены на р. Андоге – левом притоке р. Суды, впадающей, в свою очередь, в Шексну. Среди вновь открытых памятников, а их насчитывается 8, имеются грунтовые могильники с кремациями (2) и ингумациями (4), а также курганные могильники с погребениями по обряду сожжения (2). Все они обнаружены и частично исследованы в период с 2003 по 2008 гг.

К числу самих ранних памятников относятся грунтовые могильники с погребениями по обряду сожжения на стороне – могильники Черный ручей 4, Черный ручей 5, располагавшиеся в урочище «Черный ручей» в нижнем течении р. Андоги. К могильнику Черный ручей 4 относятся два объекта: грунтовая яма размерами 2,8 × 0,8 – 1,2 м, глубиной до 0,45 м, заполненная золистым песком с кальцинированными костями и вещевым инвентарем, обнаруженная на краю обрыва Андоги в ходе раскопок поселения Черный ручей 2, а также сам могильник, расположенный поодаль от реки на лесной гриве.

В верхней части ямы обнаружено небольшое скопление очажных камней, фрагменты лепной керамики. Кости и вещевые находки находились и рядом с ямой. Среди вещей, найденных здесь, имеются металлические детали нескольких поясов неволинских и ломоватовских типов – многочисленные накладки, пряжки, наконечник ремня. Кроме того, в комплексе были обнаружены два массивных ножа с прямой спинкой, инструмент – лопаточка, колчанные скобы, наконечник стрелы, бронзовые украшения и другие вещи. Часть вещей была оплавлена, но многие из них не имели следов воздействия огня [6, с. 489 – 490]. Возможно, что данный комплекс был местом сожжения. Часть погребений в могильнике Черный ручей 4 находилась в ямах, а также под дерном в виде линз серого золистого песка, содержавшего кальцинированные косточки и вещевые находки. Некоторые из могильных ям имели небольшие размеры и округлую или овальную формы. Одна из ям имела размеры 1,7 × 2 м, глубину 0,45 м. Уголь из этой группы ям датирован с помощью радиоуглеродного анализа VII – VIII вв. Другая часть погребений находилась в трех больших ямах подпрямоугольной и овальной форм, размерами до 3 × 6,5 м, глубиной в материке до 0,45 м. Внутри ям, которые содержали в заполнениях прослойки угля, золистого песка, кальцинированных костей, были найдены многочисленные веще-

вые находки, в том числе и фрагменты деталей поясов неволинских и ломоватовских типов. Две пробы угля, обнаруженного в одной из этих больших ям, датированы серединой X в.

Кроме металлических деталей неволинских и ломоватовских поясов здесь были найдены шумящие подвески и их фрагменты, фрагменты перстней, браслетов, бусы стеклянные, в том числе прозрачные глазчатые, многочисленные обоймочки, спиральки и многое другое. В целом вещевой инвентарь могильника Черный ручей 4 отражал материальную культуру восточно-финского населения, включавшую в себя элементы культуры населения Прикамья. В могильнике находились погребения VII – VIII вв., а также середины X в. По всей вероятности, более поздние погребения были впущены в существовавший ранее могильник [10, с. 240 – 242].

На Черном ручье был найден и исследован еще один грунтовый могильник (Черный ручей 5). Погребения по обряду сожжения находились в грунтовых ямах по краю террасы р. Андоги. Ямы имели круглую и овальную формы, их диаметры от 1,2 до 3,8 м, глубина – от 0,2 до 0,35 м. Они содержали темно-серый золистый песок с кальцинированными костями, фрагментами лепной керамики и вещевыми находками. Вес кальцинированных костей, извлеченных из ям, варьировался от 133 до 700 г. Среди вещевых находок имеется несколько наконечников стрел, в том числе, плоских срезней, нож с прямой спинкой, крюки, шило, кремень, глиняная льячка, бронзовые обойма и пронизка, а также фрагменты других изделий из бронзы, железа и кости [8, с. 26 – 31]. Одно погребение могильника датировано с помощью радиоуглеродного анализа рубежом X – XI вв. Часть керамики могильника, включая сосуды с лощеной поверхностью, близка к мерянской керамической посуде. Большая часть сосудов Черного ручья 5 имеет аналогии в шекснинской лепной керамике, классифицированной Н.А. Макаровым [14, с. 129 – 165]. Единственным, но очень важным отличием местной керамики от шекснинской глиняной посуды является полное отсутствие на ней орнамента. Аналогии погребальному обряду вышеописанных могильников имеются в могильниках второй половины I тыс. н.э. в Костромском Поволжье [11, с. 65 – 66], [16, с. 127 – 154], а также в могильниках X – начала XI вв. Минино 7 на р. Большой Юг [7, с. 16 – 18]; Владышнево 2, Минино 2, на Кубенском озере [1, с. 138 – 182].

На р. Андоге в 2003 – 2008 гг. было обнаружено и исследовано две курганные группы. Курган Черный ручей 3 является частью археологического комплекса «Черный ручей», вторая группа курганов, состоявшая из двух насыпей, исследована в 2007 – 2008 гг. в среднем течении р. Андоги (могильник Ступолохта 2). Курган Черный ручей 3 имел диаметр до 12 м, высоту около 1 м. Он содержал погребения по обряду сожжения на стороне. Погребения помещались на погребальной площадке и в насыпи в неглубоких ямах и в россыпи. Курган был окружен ровиками – полукольцевым и двумя сегментовидными. За ровиками, почти по сторонам света, размещались четыре столбовые ямы. В кургане обнаружены два ромбовидных наконечника стрел, нож, оплавленная монета – дирхем (Саманиды, Мансур I ибн Нух I , 350 – 365 гг. хиджры, 961 – 976 гг. от РХ. Определение А.А. Молчанова), грибовидная пуговица, многочисленные фрагменты костяных изделий, в том числе накладок на гребни – расчески. Курган датируется концом X – началом XI вв.

Два кургана, исследованных в могильнике Ступолохта, также содержали погребения по обряду сожжения на стороне. Курган 1 имел диаметр около 11 – 12 м, высоту до 1 м, был попорчен поздними ямами. Погребальная площадка имела подквадратную форму, размеры 10 х 10 м и была оконтурена ровиками – сегментовидными и полукольцевым. Между ними с восточной и юго-западной сторон прослеживались перемычки. Курган был насыпан в два приема. В насыпи кургана и на его погребальной площадке находились очаги из камней – валунов, расположенные в два яруса. Погребения в виде скоплений кальцинированных костей с вещевыми находками размещались в ямках в насыпи и на погребальной площадке, в виде россыпей по склонам насыпи, в ровиках и даже за ровиками. По углю, взятому в одном из ровиков, удалось получить радиоуглеродную дату – X – XI вв.

Курган 2 был также поврежден большой углежогной ямой и несколькими небольшими ямами. Он имел диаметр около 11 м, высоту до 1 м. Погребальная площадка была подквадратной по форме, ее размеры – 8 х 8 м. Площадку оконтуривали сегментовидные ровики и большая овальная яма. В насыпи, по всей видимости, находился очаг из крупных камней – валунов, поврежденный углежогной ямой. Погребения в виде скоплений кальцинированных костей с вещами помещались на погребальной площадке кургана, в его насыпи, а также в ровиках. Всего в кургане 1 обнаружено свыше 250 находок, в кургане 2 – свыше 200. Некоторые из найденных предметов принадлежали поселению, из культурного слоя которого были насыпаны курганы, но основная часть вещей представляла собой погребальный инвентарь.

К категории орудий труда, обнаруженных в курганах, относятся инструменты: топор, лопаточки, льячки, ножи, в том числе с прямой спинкой, шилья. Здесь же были найдены полтора десятка стрел, колчанные скобы, детали плети, ботало, три калачевидных кресала, фитильные трубочки, замочек, бочонковидная весовая гирька, многочисленные фрагменты обожженных костяных гребней – расчесок и их футляров. К деталям костюма относятся обнаруженные бронзовые поясные пряжки, поясные накладки от различных типов поясов, бронзовые детали кошелей. Самую многочисленную категорию находок составляют украшения, изготовленные из цветных металлов, стекла и камня. Обнаружены несколько фрагментов проволочных браслетообразных височных колец, в том числе, втульчатых, многочисленные оплавленные фрагменты массивных гривен и одна целая гривна. Найден ряд шумя-

щих бронзовых подвесок с привесками-бубенчиками, привесками-лапками и бутылкообразными подвесками, а также многочисленные оплавленные фрагменты щитков, звеньев цепочек, привесок. Имеются также находки зооморфных подвесок: уточки полой, с лапками-привесками, конька «мерянского типа». Имеются монетовидные подвески из бронзы и серебра, свыше десятка бронзовых флаконовидных бус. Среди стеклянных бус определяются лимонки, в том числе, полосатые, глазчатые бусы, ребристые, рубленый бисер и другие. Среди браслетов имеются три ладьевидных, один массивный с каннелюрами, а также массивные круглого, четырехугольного и многогранного сечения, пластинчатые браслеты, целые и во фрагментах. Основная часть вещевого инвентаря датируется X – XI вв., но имеются изделия, которые могут быть отнесены к более раннему времени. Среди них бусы – одна мозаичная желто-зелено-красной расцветки, вторая – крученая глазчатая – известны в древностях VIII – IX вв.

К ранней группе изделий можно отнести обнаруженные здесь бронзовые браслеты: изделие восьмигранного сечения, орнаментированное кружковым орнаментом, имеющее прямые аналогии в ломоватовских древностях [5, табл. IV, с. 20 – 21], массивные браслеты подчетырехугольного и круглого сечения [5, табл. IV, с. 1 – 2]. В кургане 1 обнаружен пластинчатый браслет с отогнутыми наружу концами. Подобные изделия встречены среди ломоватовских и муромских древностей VIII – IX вв. [5, табл. IV, с. 33 – 34].

Не исключено, что при сооружении курганов X – XI вв. был разрушен погребальный комплекс более раннего времени. Подтверждением этому могут быть две углеродные даты, полученные при анализе угля с площадки кургана, которые дали VII – начало VIII вв. Основная масса материалов курганов Ступолохты характеризует яркую культуру населения, сооружавшего данные объекты. Она впитала в себя элементы восточно-финских и прибалтийско-финских культур.

Нами было обнаружено и частично исследовано несколько могильников с погребениями по обряду трупоположения. Наиболее ранний, на наш взгляд, комплекс этой группы погребальных сооружений исследован при раскопках поселения Орлово – Шолгумзь 2 на Верхней Андоге, которое представляло из себя по сути охотничье-рыболовный стан. Здесь нами было изучено единственное погребение, принадлежавшее женщине, которое располагалось на краю поселения и находилось в яме размерами 1,1 х 2,4 м. Костяк почти не сохранился. По расположению вещевого инвентаря и древесного тлена удалось выяснить, что погребение, ориентированное головой на северо-восток, находилось в деревянной домовине в вытянутом на спине положении. В ногах находился лепной сосуд. В области головы обнаружены фрагменты проволочных браслетовидных височных колец, в районе шеи обнаружены монета – дирхем с отверстием для подвешивания, 23 стеклянных бусы и подвеска – глиняная имитация клыка. На груди найдена тонкая подковообразная фибула со спиральными концами, на поясе – остатки кожаных ножен на бронзовом кольце, в них был нож с истлевшей деревянной рукоятью. К ножнам были прикреплены два мелких грушевидных бубенчика. На левой руке находился плетеный из двух бронзовых проволок браслет с прикрепленными к нему двумя грушевидными бубенчиками, на правой руке – плетеный из тонких бронзовых проволок браслет с завязанными концами. Погребение может быть датировано второй половиной XI в.

Могильник Нижнее Селище 3 располагается на правом берегу р. Маттерки (бассейн Андозера). Могильник, как и поселение, которому оно принадлежало, находится на лесной гриве высотой более 2 м над болотом и поймой. В южной части гривы в 2008 г. шурфом было исследовано погребение по обряду трупоположения. Оно находилось в овальной яме размерами 1 × 2 м, глубиной в материке до 0,15 м, от поверхности 0,3 м. Костяк не сохранился. По расположению инвентаря удалось установить, что погребение было ориентировано головой на север, с отклонением к востоку на 20 градусов. В ногах погребенного находился лепной горшок, от которого на месте сохранилось несколько фрагментов венчика, украшенного гребенчатым штампом. На груди его лежал крест-тельник с дугами в средокрестии. В районе правой ноги лежал топор типа V по А.Н. Кирпичникову со слегка вогнутой внешней гранью, что позволяет его датировать временем не ранее середины XII в. На поясе погребенного находились овально заостренное кресало, кремень, нож с деревянной рукоятью.

В 2008 г. был обнаружен могильник, принадлежавший поселению Муриновская пристань. Шурфом 10 кв. м было обнаружено детское погребение с восточной ориентировкой, которое сопровождал единственный предмет – бронзовый крестик с эмалями. Рядом были обнаружены поясная накладка и однощелевой бронзовый круглый бубенчик, происходящие, вероятно, из разрушенных погребений XI – XII вв.

Еще один могильник обнаружен нами при раскопках поселения Никольское – Андогское IV в с. Никольском в нижнем течении р. Андоги. В раскопе 3 при исследовании слоя обнаружены три погребения по обряду трупоположения.

Одно из погребений, костяк которого не сохранился, находилось в деревянной домовине длиной около 3 м, сколоченной двумя десятками кованых гвоздей – костылей. Размеры ямы 1 × 3,05 м, глубина в материке – 0,15 м, от современной поверхности – 0,7 м. В ногах погребенного внутри домовины стояли два лепных горшка, справа от ног лежал топор типа V по А.Н. Кирпичникову. Здесь же находились три наконечника стрел: ромбовидный, двушипный, томар. В центре могильной ямы, предположительно в районе пояса, лежало несколько предметов: нож с уступами с остатками деревянной рукояти, кремень, оселок, железная полоса (кресало ?). Судя по расположению инвентаря, костяк имел длину около 1,8 м, был ориентирован головой

на восток. Второе погребение находилось в могильной яме овальной формы, размерами 0,74 × 1,8 м, в домовине, сколоченной десятком гвоздей. Яма имела глубину от поверхности до 1 м. Костяк не сохранился, за исключением нескольких обломков зубов. Здесь же обнаружено около десятка стеклянных бус: золото- и серебростеклянных, голубой битрапецоидной, треугольной и др. Женское погребение было ориентировано головой на юго-восток.

Еще одно женское погребение исследовано частично. Костяк его не сохранился. Яма была ориентирована по направлению северо-запад – юго-восток. Внутри ямы найдены три предмета: бронзовое поясное кольцо, колоколовидная бронзовая подвеска, полая подвеска – птичка. Исследованные погребения могут быть датированы XI – началом XII в.

В результате работ удалось открыть и частично исследовать около десятка новых погребальных памятников, относящихся к продолжительному периоду в несколько сотен лет от VII – VIII до XII вв. Исключительно интересным является открытие грунтовых могильников с погребениями по обряду сожжения, в первую очередь, могильник Черный ручей 4, где найдены захоронения, датированные VII – VIII, а также X вв. Погребения VII – VIII вв. содержали в своем инвентаре немало вещевых находок, которые можно отнести к элементам материальной культуры финно-угорского населения Прикамья, что позволяет исследователям более уверенно реконструировать раннесредневековые связи населения Белозерья с этой территорией. Помещение остатков сожжений на могильнике Черный ручей 4 в ямы больших размеров сближает его с погребальными комплексами, изученными в последние годы на Кубенском озере (Владышнево 2, Минино 2) [1, с. 180 – 182]. Здесь же, в урочище «Черный ручей», оказался исследованным еще один могильник, датируемый концом X в. – Черный ручей 5. Его вещевой и, в первую очередь, керамический комплекс имеет близкие аналогии в культурах мери и веси.

Курганные могильники с погребениями обряду сожжения обнаружены на Андоге впервые. Близкие аналогии им имеются, в первую очередь, среди погребальных древностей р. Суды, исследованных А.Н. Башенькиным [4, с. 10 – 17], [3, с. 9 – 18]. Данные курганы принадлежали, безусловно, финно-угорскому населению. Культура его содержала в себе не только мощный восточно-финский культурный компонент, но и элементы культуры прибалтийских финнов, а также белозерской веси.

Обнаружение целого ряда новых грунтовых могильников с ингумациями подтверждает широкое распространение этого типа погребальных сооружений в регионе. Отличительной их чертой является восточная ориентировка погребений. Обращают на себя внимание неглубокие могильные ямы исследованных погребений, помещение некоторых из них в деревянные домовины, порой основательно скрепленных гвоздями (Никольское – Андогское). Интересно, что предметы личного благочестия – крестытельники оказались в погребениях самых удаленных от центров региона могильников (Нижнее Селище 3, Мурииновская пристань 3). Большинство погребений этой группы сооружений имеет многочисленные аналогии в могильниках, исследованных как в Центральном Белозерье, так и на водоразделах между Шексной, Белым озером и Сухоной (Киснема, Крохинские Пески, Нефедьево, Шуйгино и др.) [12], [13], [15]. Эти могильники представляют погребальную обрядность на Шексне в период ассимиляции местного финно-угорского населения славяно-русским и формирования северной группы древнерусской народности. Вместе с тем, погребальный обряд XI – XII вв. на Андоге имеет свою особую специфику, которая отличает его от обрядности значительных по размерам некрополей этого времени, изученных в Белозерье и сопредельных с ним регионах.

Источники и литература

1. Археология севернорусской деревни X – XIII вв. / под ред. Н.А. Макарова. – М., 2007. – Т. 1.
2. Археология севернорусской деревни X – XIII вв. / под ред. Н.А. Макарова. – М., 2008. – Т. 2.
3. *Башенькин, А.Н.* Сопковидная насыпь у деревни Никольское на реке Суде / А.Н. Башенькин // Археология: история и перспективы: Сб. ст. – Ярославль, 2007. – С. 9 – 13.
4. *Башенькин, А.Н.* Некоторые общие вопросы культуры веси. V – XIII вв. / А.Н. Башенькин // Культура Европейского Севера России. – Вологда, 1989. – С. 3 – 21.
5. *Голдина, Р.Д.* Ломоватовская культура в верхнем Прикамье / Р.Д. Голдина. – Иркутск, 1985.
6. *Кудряшов, А.В.* Исследование средневекового археологического комплекса «Черный ручей» на р. Андоге / А.В. Кудряшов // История и культура Ростовской земли. – Ростов, 2004.
7. *Кудряшов, А.В.* Древности Средней Шексны X – XIV вв. / А.В. Кудряшов. – Череповец, 2006а.
8. *Кудряшов, А.В.* Погребальный комплекс конца I тыс. н.э. на р. Андоге / А.В. Кудряшов // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. – Вологда; Молочное, 2006б. – С. 26 – 31.
9. *Кудряшов, А.В.* Погребальный обряд на Средней Шексне в X – XIII вв. / А.В. Кудряшов // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2007. – Вып. 6. – Т. II. – С. 193 – 199.
10. *Кудряшов, А.В.* Неволинские древности в бассейне р. Шексны / А.В. Кудряшов // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. 2. – С. 240 – 242.
11. *Леонтьев, А.Е.* Поповское городище (результаты раскопок 1980 – 1984 гг. / А.Е. Леонтьев // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: Материалы работ Волго-Окской экспедиции. – М., 1989. – С. 5 – 105.
12. *Макаров, Н.А.* Население Русского Севера в XI – XIII вв. / Н.А. Макаров. – М., 1990.
13. *Макаров, Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI – XIII вв. / Н.А. Макаров. – М., 1997.
14. *Макаров, Н.А.* Лепная керамика поселения Крутик / Н.А. Макаров // Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX – X вв.). – Петрозаводск, 1991. – С. 129 – 165.
15. *Макаров, Н.А.* Средневековое расселение на Белом озере / Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, А.П. Бужилова. – М., 2001.

16. *Рябинин, Е.А.* Могильник и селище у д. Попово на р. Унже / Е.А. Рябинин // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. Материалы работ Волго-Окской экспедиции. – М., 1989. – С. 127 – 170.

УДК 94 (47)

Ю.В. Уханова
Научный руководитель: заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор М.А. Безнин

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1930 – 1960 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ И АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

В статье рассматривается проблема формирования кадров сельскохозяйственных интеллектуалов на Европейском Севере России в 1930 – 1960 гг. Анализируется динамика количественного и качественного состава интеллектуалов сельского хозяйства региона.

Интеллектуальный капитал, практики, сельскохозяйственные интеллектуалы, сельскохозяйственное производство, социальный класс.

The article considers the problem of formation of the staff of agricultural intellectuals in the European North of Russia in 1930-1960. Trends of the quantitative and qualitative composition of the intellectuals of agriculture of the region are analyzed in the paper.

Intellectual capital, experts in agriculture, agricultural intellectuals, agricultural production, social class.

Исследование проблемы социальной дифференциации советской деревни является одной из наиболее актуальных и дискутируемых тем в общественных науках. В связи с этим разрабатываются новые методологические подходы к изучению социальной истории сельской России. По мнению ряда современных ученых, при рассмотрении социальной структуры советского села необходимо учитывать особенности экономического развития сельского хозяйства СССР 1930 – 1980-х гг., его государственной капитализации, которая неизбежно влекла появление новых социальных классов в российской деревне этого периода, таких как: протобуржуазия, менеджеры, интеллектуалы, рабочая аристократия, пролетариат [3].

Социальный класс интеллектуалов объединял в себя индивидов, обладающих собственностью на научные знания и информацию, т.е. на интеллектуальный капитал на уровне сельскохозяйственной деятельности и состоял из агрономов, зоотехников, ветеринаров, инженеров, экономистов и т.д. [2].

В советской историографии уже с 1960-х гг. социологи начали обращать внимание на то, что в сельском социуме России сложилось определенное количество групп населения, различавшихся по характеру труда, образованию, уровню подготовки, доходу и т.д. В отдельную группу сельского общества наравне с административно-управленческим аппаратом выделялись квалифицированные кадры умственного труда, к которым применялись термины «специалисты» или «производственно-техническая интеллигенция» [1], [24], [26], [27], [28].

В данном исследовании делается попытка применения методологического подхода, согласно которому квалифицированные кадры специалистов советской деревни рассматриваются как социальный класс интеллектуалов. При анализе проблемы формирования кадров сельскохозяйственных интеллектуалов на Европейском Севере России в 1930 – 1960-е гг. были использованы документы фондов федеральных и региональных архивов Вологодской и Архангельской областей, материалы периодической печати.

Формирование сельскохозяйственных интеллектуалов как самостоятельной социальной группы советской деревни шло постепенно, что проявлялось в нарастании их численности[1]. Так, если в 1929 г. в системе земельных органов Северного края работало 305 сельскохозяйственных специалиста [4, с. 259], то в 1933 г. – 1091 специалист [21, л. 3 – 24]. Следовательно, численность сельскохозяйственных интеллектуалов региона возросла за четыре года в 3,5 раза, что было вызвано необходимостью массового внедрения интеллектуального капитала в сельское хозяйство в связи с заменой индивидуального крестьянского типа хозяйствования на крупное сельскохозяйственное производство (колхозы, совхозы).

В 1940 г. контингент квалифицированных кадров специалистов сельского хозяйства Вологодской и Архангельской областях достиг 2324 человека [11, л. 124 – 125], [18, л. 142]. В 1948 г. в системе земельных органов Вологодской и Архангельской областей работало 3317 специалистов с высшим и средним образованием [5, л. 1 – 7], [10, л. 50], что составило 142 % от 1940 г. Это было следствием того, что партия связывала программу восстановления сельского хозяйства в послевоенный период с укреплением аграрного производства квалифицированными кад-

[1] Приводятся данные о численности специалистов сельского хозяйства с высшим и средним образованием без учета, так называемых, практиков, т.е. работников, получивших только курсовую подготовку.